

От редакции

Когда мы произносим слово *культура*, мы по умолчанию предполагаем слово *граница*.

От того, как в той или иной культуре прочерчены границы, зависит буквально все: как мы понимаем себя и других, что считаем нормальным и допустимым, кого оцениваем как достойных и недостойных, как распределяем права и в каких иерархиях находим опору нашей социальности.

На уровне культурных и социальных практик границы сегодня — одна из самых острых и болезненных тем: вопросы гражданства, прав и национальной идентичности, распад и притязания бывших империй, этнические конфликты, возведение новых стен, внутренние потенциалы конфликтности в современных демократиях, динамики (полу)авторитарных режимов и закрытых обществ. Но также и малозаметные рутинные культурные практики, и привычные культурные нормы, и вписанные в тела значения — все это должно стать предметом исследования и переосмыслиния.

Планируя спецвыпуск, мы хотели заглянуть в историю вопроса и понять, как она помогает нам лучше осмыслить современность и отечественный культурный контекст. Культурно-антропологическая перспектива, в которой мы предложили видеть проблему границ, предполагает, что культурные практики установления, учреждения, поддержания, переопределения, разрушения границ, способы на них настаивать или не замечать — определяют опыт человеческого существования. Этим спецвыпуском мы продолжаем линию журнала по разработке и адаптации новых подходов к изучению российской истории и культуры в рамках антропологического поворота (см., например, спецвыпуски: № 188, 2024 «Неимперская Россия: образы, идеи, практики»; № 184, 2023 «Антрапология (не)насилия в русской культурной истории»; № 178, 2022 «Трансформация гуманитарного знания в постсоветской России»; № 161/166, 2020 «Постсоветское как постколониальное»; № 162, 2020 «Антрапология страха» и др.).

«Граница» — целый кластер понятий в англоязычной традиции: border, boundary, borderline, borderland, limit, threshold, demarcation line, littoral, frontier.

Есть аналоги и в русском: граница, предел, пограничье, приграничье, порог, разделительная черта, литораль, фронтир. Однако даже при значительной способности определять целые культурные парадигмы и развитом понятийном ресурсе, крайне мало четких определений границы. Едва ли не единственное четкое и универсальное — философское — определение мы находим у Хайдеггера: «Граница — это не только очертания и рамки, не только место, где что-то заканчивается. Граница означает то, через что нечто собирается в себе самом, чтобы появиться из него во всей своей полноте, возникнуть в присутствии» (Хайдеггер М. Исток искусства и предназначение мысли). По сути, он говорит: нечто становится таковым благодаря тому, что у него есть границы. Границы определяют, что это нечто есть нечто постольку, поскольку оно отлично от другого. Большой же частью исследователи дают описательное определение границы, показывая скорее, как она функционирует в том или ином контексте, какие культурно-исторические значения порождает и как способна влиять на положение дел.

В культурной антропологии, культурной истории и географии, исследованиях национальных литератур и культур последних десятилетий складывается глубокая, развитая и междисциплинарная традиция изучения границ как феномена культуры с понятийным аппаратом и инструментарием. Мы не ставим целью реконструировать эту сложную и богатую традицию, однако через ряд современных теоретических работ намечаем для читателя возможности обращения к ней, актуализируем современное состояние этого исследовательского поля и предлагаем возможные прочтения отечественной культуры в свете этой традиции.

Как увидит читатель, одна из задач современных border studies — десубстанциализировать границу, показать, что она не есть сущность или неизбежная константа, но исторична и социальна. Как пишет Этьен Балибар: «Границе нельзя приписать сущность, которая сохранялась бы всегда и везде, в любом пространственно-временном промежутке, и одинаковым образом соотносилась бы со всем индивидуальным и коллективным опытом». Граница понимается скорее не как физическая, а как символическая, прописанная на бумаге; и не как линия, а как сложный конгломерат значений, установок, предпосылок и последствий, который зависит от ментальных и материальных условий, символических ресурсов и способов социального конструирования реальности.

Помимо дескриптивных и критических исследований, авторы этой традиции говорят о необходимости нормативных теорий границ: выработать исследовательскую программу, которая не превращала бы границы в гегемонии, но позволяла бы различить их сложность, контекстуальность, подвижность — или, как говорит один из наших авторов: «обогатить классический статичный взгляд на границы постмодерным и постфундаментальным изучением разграничивания». Отсюда постулируется изучение не границ, статично понимаемых, а bordering как сложного, длительного и обусловленного процесса разграничения, ограничения, упорядочивания, инаковления (ван Хаутум и др.).

Что же такое граница, если не видеть в ней сущностную безусловность *in statu naturali*? Ответы, которые дают наши авторы, — многообразны:

граница исторична — она зависит от исторических условий ее учреждения, у границ есть своя история;

граница подвижна — она может меняться под воздействием социальных и культурных факторов, у границ есть динамика;

граница полисемантична — в зависимости от разных перспектив или пристязаний на нее, способов делать ее проявленной;

граница условна — контекст и смысл конкретной границе придают люди;

граница — не линия, черта или порог, а потенциал, возможность явленности;

граница — источник смыслопродуктивности — ограничив что-то, мы создаем нечто как отличное от другого, запуская в ход комплекс значений и практик;

граница есть форма проявления власти и учреждающая сила;

граница есть место касания, соприкосновения, сопряжения, причастности.

Отсюда — императив, смысломеко выраженный одним из наших авторов: «осмыслять границу как непрерывно осуществляемую контекстуальную работу».

Установление границы всегда есть установление некоего порядка значений, который может довлесть, подчинять, выделять, отграничивать, предполагает интериоризацию этого порядка субъектами, которые ему подлежат. Порядок значений определяет правила, идентичности, маркеры значимых различий, иерархии, норму и исключение. Отсюда этическая и эпистемическая критика этого большого и долгосрочного проекта border studies — необходимость методического сомнения и вопрошания о том, при каких условиях сложилась та или иная диспозиция границ, которая впоследствии представляется исторически неизбежной, естественной или безусловной.

Как и в случае многих привычных обиходных понятий, история культурных представлений о границах в разных языках и культурах еще не написана — она могла бы многое рассказать нам о культурной антропологии современных обществ и *existentia humana*.

Татьяна Вайзер